

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕКАТЕРИНА ОРЛОВА

18+

Ангел для
ДЕМОНА

Екатерина Орлова

Ангел для Демона

Серия «Вне закона», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69392632

SelfPub; 2023

Аннотация

– Это правда? – шепчу я, изо всех сил сдерживая слезы. – Что правда, маленькая? – Дима делает шаг ко мне. – Правда, что ты сын Громова... Грома? Ты же Громов, – бормочу растерянно, все еще не веря в то, что узнала. – Сын папиного конкурента. Сын, которого он подослал, чтобы использовать меня ради мести. Все сходится. О, боже. Я накрываю пальцами дрожащие губы, чувствуя, как слезы прочерчивают по щекам горячие дорожки. – Ангел, – Дима обнимает меня, обволакивая своим запахом, но я отталкиваю его. – Ты использовал меня! Ты... – я задыхаюсь. Кладу руку на грудь, чтобы немного успокоить колотящееся сердце, но это не помогает. – Не подходи ко мне, больше никогда даже не смотри на меня! – Ангел, я люблю тебя, – произносит Дима. – Ты – монстр, а монстры любить не умеют, – отвечаю севшим голосом.

Содержание

Аннотация	4
Предисловие	5
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Екатерина Орлова

Ангел для Демона

Аннотация

– Это правда? – шепчу я, изо всех сил сдерживая слезы.

– Что правда, маленькая? – Дима делает шаг ко мне, но я отшатываюсь.

– Правда, что ты сын Громова... Грома? Ты же Громов, – бормочу растерянно, все еще не веря в то, что узнала. – Сына папиного конкурента. Сына, которого он подослал, чтобы использовать меня ради мести. Все сходится. О, боже.

Я накрываю пальцами дрожащие губы, чувствуя, как слезы прочерчивают по щекам горячие дорожки. Как я могла довериться ему?

– Ангел, – Дима обнимает меня, обволакивая своим запахом, но я отталкиваю его.

– Ты использовал меня! Ты... ты... – я задыхаюсь. Кладу руку на грудь, чтобы немного успокоить колотящееся сердце, но это не помогает. – Не подходи ко мне, больше никогда даже не смотри на меня!

– Ангел, я люблю тебя, – произносит Дима.

– Ты – монстр, а монстры любить не умеют, – отвечаю севшим голосом.

Предисловие

Кто-то мог бы назвать нашу историю историей современных Ромео и Джульетты. Кто-то окрестил бы случившееся подлостью. И, наверное, был бы прав. Сейчас, в свете прожитого времени и приобретенного опыта, я могу сказать, что согласен с этими людьми. Кто-то мог бы заявить, что это война детей, которые ведут ее за спинами родителей.

Я лишь скажу, что поначалу это было делом чести. Потом превратилось в то, чего я сам никак не ожидал. Ангелина – мой Ангел – испортила все мои начинания в лучшем смысле этого слова. Тогда мое сердце перестало биться в пустоту и начало биться ради нее.

Это наша история. История сумасшедшей, несдержанной и, наверное, даже больной любви. Совершенно неожиданной, но чертовски сильной.

Сейчас я держу в руках своего Ангела и благодарю наших отцов за эту войну. Она принесла мне самое сильное в моей жизни чувство.

Пролог

Демон

Паркую машину примерно в полуторе километрах от их дома и мелкими перебежками несусь в нужном направлении. Я знаю, что сегодня родителей Ангела нет дома. Они на приеме у мэра, как и мои. Там сегодня собрался весь цвет нашего общества. Сбор общака под прикрытием благотворительной акции. Вся верхушка нашего города замешана в этом, хоть каждый из них и делает вид, что чист аки агнец. Ничего, провернут очередное дельце, свечки в храмах поставят, и дело сделано, грехи отпущены. Кстати, митрополит тоже будет на этом приеме.

Подкрадываюсь к высокому забору и замираю, тяжело дыша. Бегаю я хорошо, и дыхалки обычно хватает, но сегодня мое сердце бьется особенно быстро, а от того и кислород в легкие поступает рывками. Сегодня я узнал, что мой Ангел появилась в городе. Несмотря на то, что я просил осведомленных людей уведомить меня заранее, они поступили иначе. И теперь я, как какой-то голимый сталкер крадусь, чтобы подсмотреть за моей балериной.

Делаю еще два глубоких вдоха и цепляюсь за выступ на заборе. Я не знаю, есть ли тут слепые зоны, и не засечет ли меня камера, да и плевать, если честно. Мне нужно хотя бы одним глазком посмотреть на нее, и я свалю. Обещал оста-

вить в покое – сдержу обещание. Мне только надо знать, что она в порядке. Потому что о ее состоянии никто толком не рассказывает.

Все это время я получал информацию короткими отрывками. Очнулась. Заговорила. Села. Пошла. Но вот о том, танцует ли мой грациозный Ангел, никто не говорит. Я надеюсь, это не из страха, что я сотворю какую-нибудь дичь, когда узнаю правду.

Взобравшись на забор, я тихо и медленно спускаюсь с другой стороны на случай, если собаки не в вольере. Практически бесшумно в несколько шагов добираюсь до раскидистого дерева и взбираюсь наверх. Становлюсь на толстую ветку и, схватившись за верхнюю, подхожу к краю. Уже собираюсь перепрыгнуть на карниз, чтобы потом добраться до комнаты Ангела, как прямо передо мной в танцевальной комнате Гели загорается свет.

Я замираю и проглатываю подскочившее к горлу сердце, когда вижу, как она сама, хромая, проходит на другую сторону комнаты. Вцепилась пальцами в трость до побелевших костяшек. Этот атрибут вызывает у меня тахикардию. Неприятную такую. И все тело покрывается холодным потом, потому что перед глазами снова всплывает картинка произошедшего. Как, блядь, я мог так облажаться?!

Геля приставляет трость к углу, а сама, повернувшись, берет с высокого комода пульт и, видимо, включает музыку. Окна плотно закрыты, так что я не слышу ни звука, зато мо-

гу видеть, как она возвращается на середину зала. Останавливается, словно позволяет мне осмотреть ее с ног до головы. Нежно-розовые леггинсы обтягивают аккуратную попку и стройные ноги. На лодыжках собранные гармошкой носки. Или это не носки? Не знаю, как они называются. На стопах персикового цвета пуанты, которые мне так нравится видеть на ней. Сверху на Ангеле короткий серый топ с длинными рукавами. Он настолько широкий, что, кажется, словно она утопает в нем. Но ей идет. В такой одежде она кажется еще более хрупкой.

Похудела моя красавица. Бледная. На лице печать боли.

Изящным жестом она поднимает вверх руки и закрывает глаза. Затаив дыхание, я жду, что сейчас она, как и раньше, легонько поднимется на носочки и закружится в чувственном, изящном танце, плавно взмахивая кистями и без усилий поднимая ногу до самой головы. Геля делает оборот, а потом... падает на пол, скривившись. Она лупит по полу ладонью и что-то кричит. Я вижу, как ее лицо пересекает гримаса боли, и внутри меня все сжимается.

Я даже не заметил, как дернулся вперед во время ее падения, и только сейчас понимаю, что под деревом сидят два бульдога, которые негромко рычат на меня. Пора убираться.

Но как я уйду, оставив ее одну в таком состоянии? Может, она не может подняться? А если дома никого нет? Ей же никто не поможет.

Игнорируя становящийся громче рык, жадно слежу за Ан-

гелиной. Еще пару минут она сидит и рыдает, а потом все же поднимается на ноги. Доходит до комода, берет пульт. Нажимает. Похоже, выключает музыку. А потом совершенно неожиданно замахивается и швыряет пульт в стену, разбивая его вдребезги. Опускает голову, пряча лицо в ладонях.

Я снова умираю, глядя на нее. От безысходности и беспомощности сжимаю челюсти до хруста зубов. Геля подхватывает свою трость как раз в тот момент, когда один из псов ее отца громко рывкает.

Бросив еще один взгляд на Ангела, разворачиваюсь и пробираюсь назад, но понимаю, что спрыгнуть вниз мне не светит. Придется все же проходить по крыше дома. В конце концов, мне не помешает освоиться здесь, потому что я намерен вернуться, и не раз.

Глава 1

Ангел

Восемь месяцев назад

Выбежав из здания университета, спешу на парковку, чтобы успеть доехать до студии танцев. Преподаватель и так задержал меня, пока объяснял суть проекта. Как будто я настолько глупая, что не пойму, что от меня требуется.

– Привет, красавица.

Я дергаюсь от неожиданности и кладу руку на сердце, поворачиваясь в сторону того, кто прервал поток моих мыслей. Армен? Арсен! Точно, Арсен.

– Привет, – здороваюсь, не останавливаясь, и дарю ему спокойную короткую улыбку, которую всегда выдаю из вежливости. Меня никто этому не учил. Некому было. Но я очень наблюдательная, и видела, что люди так делают.

– Ты спешишь?

– Да, опаздываю на занятия.

– Какие занятия? Они ведь уже закончиись.

– В студии танцев.

– О, ты танцуешь?

И правда. Это так удивительно, учитывая, что познакомились мы в самом начале учебного года, и я тогда сказала организаторам осеннего бала, что могла бы станцевать номер со своей подругой Агатой. Интересно, Арсен и правда не за-

помнил или прикидывается?

– Мгм, – решая не выяснять, отвечаю я.

– Я бы посмотрел.

– Наша труппа будет выступать через две недели. Можешь прийти посмотреть.

– Достанешь мне билетик на лучшее место? – подмигивает он.

Я подхожу к своей машине и, разблокировав двери, забрасываю на заднее сиденье сумку. Захлопнув дверцу, поворачиваюсь к Арсену.

– Я не занимаюсь билетами. Танцую, помнишь?

– Какая ты строгая.

Я такая, потому что напряжена. Натянута внутри, как струна. Я вроде уже и должна была бы привыкнуть к мужскому вниманию, но оно меня все еще сильно смущает и заставляет испытывать неловкость. Похоже, защитная реакция на некомфортную ситуацию у меня одна – строгость и даже некоторая суровость.

– Прости, мне надо ехать.

– Помнишь, мы на подготовке к балу обменивались номерами?

– Мгм.

– Мы это делали, чтобы созвониться. Так что... я буду ждать твоего звонка.

Он жестом показывает трубку у уха и улыбается. Мне тоже нужно улыбнуться, да? Вот прямо сейчас кивнуть и улыб-

нуться. Но губы остаются слегка сжатыми. Еще и нервирует жар на правой щеке. Неосознанно тру ее и заставляю себя кивнуть Арсену.

– Отмерзай, Снежная королева, – подмигивает он и одними губами добавляет: – Позвони мне, – все так же держа руку в форме трубки, когда пятится к другому ряду машин.

Наконец он отходит, а я поворачиваю голову вправо и зависаю на несколько секунд, столкнувшись с холодным темным взглядом незнакомого парня. От него в меня как будто что-то врезается, выбивая воздух из легких. Волоски на теле встают дыбом, давая дорогу мурашкам, которые дружной гурьбой растекаются по коже.

Слишком пронзительный взгляд. Давящий. Тяжелый.

И выглядит все это сюрреалистично на фоне друзей, окруживших его машину. Они смеются и толкаются, а он, сидя на капоте и упершись пяткой в бампер, внимательно рассматривает меня. Как будто не только для меня одной остановилось время.

Мне хочется разорвать этот контакт. Нет, я нуждаюсь в этом. Но почему-то продолжаю молча пялиться на него и тереть свою щеку. Как будто это поможет.

Вот это да!

Наконец мне удастся сделать глубокий вдох, и я, развернувшись, быстро запрыгиваю в машину. Руки трясутся, когда я вставляю ключ в зажигание. Жму на кнопку, и двигатель тихонечко оживает. Мне хочется вдавить педаль газа в

пол и вырваться с этой стоянки подальше от внимательного взгляда незнакомого парня. Но я делаю это медленно, чтобы не поцарапать стоящие рядом машины.

Заставляю себя дышать размеренно и сосредоточиться на дороге, но у меня плохо получается. Десятки вопросов курсируют в голове, сбивая с настроения.

Кто он?

Какого цвета у него глаза?

Почему так смотрел на меня?

Почему я так реагировала?

А мое тело? Его словно подожгли. И это ощущение для меня слишком острое, слишком новое и непознанное. Это пугает. Как и все, что связано с такими мужчинами.

“Таковыми” я называю тех, у которых наглость написана на лице. Они привыкли получать все, на что упадет их взгляд. Привыкли, что девушки сами бросаются на них. Я их не осуждаю, ни в коем случае. Просто стараюсь держаться от таких подальше.

Единственный мужчина в моей жизни – это папа. Да, он властный и давящий, как и положено успешному бизнесмену. Но, по крайней мере, он хоть немного знаком мне, и я его не боюсь.

А вот этот парень на парковке, сидящий на капоте агрессивного вида черной машины, – он опасный. Это понятно с первого взгляда, мне даже не нужно узнавать, кто он такой. От него за версту веет проблемами. И все же всю дорогу до

студии я вспоминаю его взгляд и наслаждаюсь мурашками внизу живота. Но я никогда никому не скажу, что этот парень вызвал у меня такие ощущения. Я даже себе боюсь в этом признаться, что уже говорить о других?

Надеюсь, в следующий раз, когда увижу его, не прирасту к асфальту, как сегодня, и смогу двигаться проворнее. В конце концов, я же танцовщица, а, значит, двигаться умею. Господи, и причем тут танцовщица? Мысленно закрываю глаза, ругая себя за глупости, которые лезут в голову.

К студии я приезжаю с немаленьким опозданием. Разминаться буду в процессе, что я чертовски сильно не люблю. Опять меня Алина Вениаминовна назовет “тридцать три несчастья” и будет разочарованно качать головой. Терпеть не могу, когда она так делает. Меня в такие моменты затапливает чувство вины. Я и правда как те самые тридцать три несчастья, со мной вечно что-то случается.

Но я не могла ехать быстрее, иначе рисковала вообще не доехать на тренировку. Перед глазами все время стоял тот парень, сидящий на капоте, и отвлекал. А с моей удачей в таких ситуациях лучше было бы вообще ходить пешком. Я легко могу замечтаться и встрять куда-нибудь.

Забрав сумку, я закрываю дверцу машины и тяжело вздыхаю. Надо сосредоточиться на тренировке и репетиции, а не на этом... Господи, я даже имени его не знаю, а мурашки так и топчутся внизу живота.

Глава 2

Ангел

– Макс, – звучит голос хореографа, Алины Вениаминовны, – подхвати Гелю за бедра! Что ты ее за живот хватаешь?
– Черт, – бубнит мой партнер, когда я спрыгиваю с его рук.
– Геля, а ты сильнее выгни спину. Ты вся как будто сжимаешься!

Конечно, сжимаюсь. В прошлом году я танцевала с Васей. В нем я была уверена на тысячу процентов. Он сильнее Макса в разы, и скорее сам угробится, чем меня уронит. Макс не такой. Он осторожный, словно боится лишний раз коснуться меня. На прошлой тренировке меня едва не уронил. После такого я, естественно, буду сжиматься и непроизвольно группироваться, чтобы избежать травм. Но хореограф права, мне надо учиться доверять партнеру. Правда, сложно проникнуться доверием за такой короткий срок.

– Еще раз! – хлопает в ладоши Алина. – Начинаем заново, все на позиции. Диана, грациознее взмах рукой! Алексей, не бей ногой, как конь копытом! Ставь ее мягче! Макс, увереннее держим партнершу! Поехали! Музыка!

Мы едва успеваем занять свои позиции, как начинает играть музыка, и все участники номера начинают двигаться. Я разгоняюсь с другого конца “сцены”, пролетаю над ней в два прыжка и попадаю в руки своего партнера. Он выставля-

ет их вперед, чтобы, подпрыгнув, я могла буквально лечь на его ладони бедренными костями и выгнуться, позволяя крутануть себя в воздухе. Но этого не происходит. Когда я уже подпрыгиваю, Макс как будто проскальзывает подо мной, его ладони “чиркают” по моим бедрам, и я лечу вперед на спину одного из танцоров, Дениса. Это хорошо, что на его спину, и что я успеваю вовремя сориентироваться, и что в его руках нет партнерши. Иначе свернутая шея или конечность послужила бы итогом этого номера.

– Макс! Геля! – раздается крик Алины, перекрывая музыку, а потом та стихает. – Макс, в чем дело?!

– Я не успел ее зафиксировать, – грустно констатирует Макс очевидное.

– Да ты вообще ничего не успел! – рявкает хореограф. – Геля, жива?

Сползаю с плеч Дениса, виновато улыбаясь, потому что я ему чуть шею не сломала своим неожиданным падением.

– Прости, – говорю я, а потом поворачиваюсь к Алине. – Можно минутку перерыва? Кажется, я причинила Денису боль.

– Всем перерыв, а Макс с Гелей отрабатывают поддержку! – Как только остальные танцоры разбредаются по сцене, Алина ведет нас в центр. Ставит друг напротив друга и гневно сверлит глазами. – Что такое? На прошлой неделе все уже вроде было нормально. Что поменялось?

– Ничего, – отвечаю я.

– Макс?

– Ничего не поменялось. Так получилось. Кажется, у Гели скользкая юбка.

– Это та же юбка, что и последние две недели, – ругается Алина Вениаминовна. – Соберись! Скоро выступление, а ты как вялый огурец. Давайте, – отступив, она хлопает и выходит за край “сцены”, роль которой выполняет разметка на полу. – Поддержки. Сначала с места, потом с прыжка. Поехали. Алексей и Юра, страхуйте, – подзывает она других танцоров, и мы в сотый раз начинаем отрабатывать поддержки.

Под конец репетиции я вымотана и выжата, как и Макс. Остальные танцоры тоже утомились, но, по крайней мере, не умирают от этой усталости.

После душа мы одеваемся и выходим на улицу.

– Мне надо купить пальто на осень, – говорю своей подруге Агате, идущей рядом, пока кутаюсь в короткую куртку. – Но сегодня у меня просто нет сил. Хочу добраться домой, поставить ноги в таз с содой и убедить себя, что я люблю танцы.

Мы обе смеемся.

– Давай завтра, – предлагает она. – У тебя сколько пар?

– Четыре.

– Отлично. У меня три, но я собиралась еще немного позаниматься в библиотеке, так что как раз дождусь тебя, и можем поехать в торговый центр.

Мы прощаемся на парковке и разъезжаемся по домам.

Войдя в свою квартиру, я по привычке пишу папе сообщение, что и в этот раз на тренировке не свернула себе шею. Сколько раз он уговаривал меня закончить с танцами, не перечесть. Особенно после того, как в нашей студии одна из девочек при падении сломала позвоночник и стала инвалидом.

Папа у меня очень заботливый, но суровый, как всякий бизнесмен.

Мы не живем вместе, потому что я не ужилась с его официальной семьей. Я нашла его самостоятельно, когда жить с мамой стало совсем невозможно. Я хотела просто сбежать из дома, но для этого мне нужны были мои документы. Нашла свое свидетельство о рождении, а там уже было делом техники отыскать мужчину с именем Руслан Тихонович Полковников. У меня была другая фамилия, и я еще тогда удивилась этому. Но мне было пятнадцать, и я боялась свою мать, как огня, так что мне было плевать куда, лишь бы сбежать. Папа тоже не знал обо мне, так что сильно удивился. А особенно тому, что мне удалось пробиться к нему через охрану.

Конечно, мы не сразу стали родными. Мне кажется, мы до сих пор полностью ими не стали. Ожидаемо был тест ДНК, попытка папы ввести меня в семью, где меня не принял никто, кроме младшего брата, Данила. По большому счету, я только с ним и общаюсь. Жена папы, Инесса Юрьевна, возненавидела меня как только увидела. Так что те полгода, что я провела в отцовском доме, стали для меня адом. Самый

старший брат, Стас, всегда находил возможность оскорбить и обидеть меня. Игорь младше меня на год, и мы не раз дрались. Конечно, из этих стычек я всегда выходила виноватой стороной. И только Данька, которому на момент нашего знакомства было девять лет, полюбил меня.

Я сбежала из дома отца в шестнадцать, когда Инесса Юрьевна залепила мне очередную пощечину. Она так постаралась, что у меня из носа пошла кровь и начала кружиться голова. И все это произошло в день моего выступления. За самочувствие меня сняли с выступления, и я практически впала в депрессию, потому что танцы были единственной отдушиной в моей старой и новой жизни. Они были для меня всем. Спасали от ужаса моего существования, помогали выразить эмоции, поменять их на те со знаком плюс.

Папа, конечно, нашел меня после этого побега, и я попросила его не возвращать меня в его дом. Тогда он устроил меня в небольшой квартире в новом жилом комплексе, а вместе со мной поселил, как он назвал ее, гувернантку. Я бы хотела сказать, что эта женщина, как в сказке, заменила мне маму и любила больше, но это не так. К счастью, Ираида Львовна не была монстром, но за год, что она прожила со мной, я выучила английский язык и научилась светскому этикету. Теперь можете себе представить степень жесткости этой женщины? Она не монстр, она его учительница. Но я благодарна ей за то, что, кроме того, что она учила меня всему этому, она также показала, как ценить и любить себя, относиться к

себе с уважением. А еще быть уверенной в себе. Она этому не учила специально, я просто последовала ее примеру. Хотя, надо сказать, я так и осталась застенчивой и слегка испуганной.

Пройдя непростую школу жизни, я научилась жить самостоятельно. Единственное, в чем я себе не отказываю, – это в том, чтобы быть папиной дочкой. Единственной, пусть и незаконнорожденной. Но это всего лишь история моей жизни, которая сейчас уже совсем другая. Можно сказать счастливая, не без некоторых “но”, конечно.

Глава 3

Ангел

– Как тебе это? – Агата прикладывает ко мне фиолетовое пальто, а я кривлюсь. Не люблю яркие цвета, мне ближе пастельные, теплые. – Тебе не угодишь.

– Еще как угодишь, – улыбаюсь я.

– Ну да. Пальто должно быть не совсем классическое и не очень кэжуал, чуть ниже колена, с капюшоном, в светлых тонах. Много пуговиц – плохо. Две – мало. То накладные карманы лишние, то вшивные теряются. Слишком широкое, слишком приталенное, – перечисляет подруга все те пальто, что я забраковала.

– Может, выпьем кофе? – предлагаю я, видя, что Агата достигает точки кипения.

– Да, – быстро отвечает она, вешая пальто на место. – На открытой террасе. Ты угощаешь.

Она подхватывает меня под руку и, кивнув продавцам, быстро выводит меня из магазина. Я все никак не привыкну к тому, что могу покупать одежду в таких магазинах. Когда жила с мамой, у нас не было таких больших денег, но мы и не жили за чертой бедности. Просто покупали одежду в более скромных магазинах, расположенных не в торговых центрах, а в неприметных переулках нашего района.

– Слушай, я сегодня опять видела Матвея, – говорит Ага-

та, когда мы, взяв в баре кофе, присаживаемся за столик на террасе торгового центра, ловя последние солнечные лучи. Говорят, со следующей недели грядет похолодание, так что надо успеть насладиться последними теплыми днями.

– Напомни, кто он? – рассеянно спрашиваю я, прикрывая глаза и подставляя лицо солнцу.

– Ну Матвей, – раздраженно отвечает Агата. – Громов. Я тебе о нем рассказывала.

– А, тот который выпустился в прошлом году?

– Ага.

– И где ты его видела?

– Вчера заезжала в кафе, чтобы с отцом увидаться, и он там был. Слушай, какой же он... вкусный. Я просто не могла взгляд от него оторвать. Папе пришлось пару раз вернуть меня на землю.

Мы обе смеемся. Я открываю глаза и, прищурившись, смотрю на подругу.

– Почему ты не позвонишь ему?

– У меня нет его номера.

– Ты же говорила, что здесь учится его брат.

– Ой, нет, с ним я точно не хочу связываться.

– А кто он такой? Чтобы и я не дай бог не связалась.

– Все зовут его Демон. Когда увидишь, поймешь, почему. От одного его присутствия холодок по коже пробегает.

– А Матвей не такой?

– Он тоже, конечно, непростой тип, но мне он кажется та-

ким загадочным. Таким... как бы тебе его описать? Знаешь, тот тип парней, который нравится так сильно, что других ты не замечаешь? И при этом сама не понимаешь, что именно в нем такого.

– К счастью, не знаю, – улыбнувшись, качаю головой. И почему-то на ум сразу приходит тот парень, который сверлил меня взглядом, сидя на капоте своей машины. Но от того еще веяло опасностью так, что поджилки тряслись. Или это не из-за опасности?

– Тебе тоже надо найти парня, – внезапно говорит Агата, я даже давлюсь кофе и кашляю. Смотрю на подругу во все глаза, давая ей понять, что это замечание было, как минимум, неуместным. Но Агату таким не проймешь. Она только кивает и улыбается. – Да-да. Что ты на меня так смотришь?

– Тоже? – решаю поставить ее в неловкое положение. Может, хоть это остановит ее от развития данной темы? – Я сразу после тебя.

– Я нашла. Матвея, забыла?

– Он пока еще не твой. К тому же, мне и одной хорошо.

– Ой, Геля, не понимаешь ты ничего, – махнув рукой, тянет подруга. – Тебе скоро исполнится девятнадцать, а ты толком и не целованная.

– Почему это? Очень даже целованная, – возмущаюсь я.

– Это с тем мальчиком, когда тебе было тринадцать? Не смеши, – фыркает она.

Это единственный эпизод из моей прошлой жизни, кото-

рым я поделилась с Агатой. Обо всем остальном я предпочитаю не распространяться, помня слова злой, но справедливой Ираиды Львовны:

– Запомни, Ангелина, друзья предают первыми. У них в руках есть рычаги воздействия на тебя, а это значит, что рано или поздно они ими воспользуются. Дружить можно, но все свои слабые стороны держать при себе, а еще лучше – превращать их в сильные.

Кто-то сказал бы, что гувернантка воспитывала во мне недоверие к миру, но я не соглашусь. Недоверие во мне воспитала мама со своими бесконечными любовниками, а Ираида Львовна просто учила меня это недоверие трансформировать в способность защищаться.

– Но отрицать, что опыт был, ты не можешь, – смеюсь я, ткнув в сторону подружки пальцем.

– Факт, – подтверждает Агата, и снова смеется. – И все же. Посмотри, сколько зачетных парней в универе.

– Мне как раз вчера Арсен напомнил, что мы обменивались телефонами. Просил позвонить ему.

– Арсен? Это который Арсен? Тот с пятого курса?

– Мгм.

– Ну такой себе выбор, если честно. Отстой. Он такой гуляка.

– Значит, опытный. Ты же такому меня хотела сосватать.

– Я хотела тебе, как ты говоришь, сосватать опытного, но не гулящего. Этот же каждый год охотится на свежую кровь.

– По крайней мере, он, наверное, умеет ухаживать.

– Ну не знаю, – тянет она. – Есть еще кто-то на примете?

– Леша с параллельного потока.

– Блин, ты серьезно? – она так картинно выкатывает глаза, что мне становится смешно. – Он же ботан. Скучный до ужаса. Моя бабушка более интересный собеседник, чем этот...

– Тебе не угодишь. Опытный – плохо. Неопытный – скучно.

– Да я готова поклясться, что Леша до сих пор в девственниках ходит. Бе, два девственника, – она высовывает язык и делает вид, что ее тошнит, чем снова смешит меня. – Короче, надо искать золотую середину. Я подумаю, кто тебе подойдет.

– Ой, ты только не сильно старайся, – прошу я, уже чувствуя, что подруга возьмется за дело со всей душой. Если я натура увлекающаяся, то Агата – это практически я, только помноженная на десять. Если ей в голову пришла какая-то идея, Земля должна сдвинуться с орбиты, чтобы моя подруга достигла цели.

А еще она очень общительная, и я задумываюсь о том, что могла бы расспросить ее о том парне с черной машиной. Но почему-то сдерживаюсь. Наверное, по привычке, чтобы сохранить свои мысли в тайне. Или из страха, что она подойдет к нему и скажет, что он мне нравится. Потому что Агата – королева неловких моментов. Она умеет их создавать не только для себя, но и для других. Просто делает то, что хо-

чет, не задумываясь о последствиях.

– Так, ладно, ты допила кофе? – спрашивает Агата, отставляя чашку на блюде. Я киваю. – Пойдем, надо все-таки выбрать для тебя пальто. Я знаю один классный магазин.

Мы поднимаемся, и тут звонит мой телефон.

– погоди минутку, – прошу подругу, – это папа.

Она кивает, и я, встав, отхожу к стеклянной балюстраде. Смотрю на город, принимая звонок.

– Привет, пап.

– Геля, привет. Не отвлекаю?

– Нет, я с подругой в торговом центре.

– Шопинг?

– Небольшой.

– Правильно. Денег подкинуть?

– У меня есть, спасибо.

– Не экономь на себе, – в который раз наставляет меня папа. – Я позвонил, чтобы сказать, меня не будет на твоём выступлении.

Стараюсь сдержать разочарованный вздох. В принципе, ничего нового. За эти три года папа был всего на четырех моих выступлениях, но каждый раз, когда он сообщает, что не сможет присутствовать, все равно расстраиваюсь. Хоть и благодарна, что он хотя бы не забывает о них.

– Ладно.

– Не расстраивайся. Но мне, к сожалению, надо уехать ненадолго из города. Справишься одна?

– Мгм.

– Может, поживешь это время у меня?

Это он тоже предлагает постоянно, хоть и знает, что я не уживаюсь с его женой и сыновьями.

– Нет, спасибо, – отвечаю так же, как и всегда. – Со мной все будет нормально.

– Расскажи потом, как прошло выступление.

– Ладно.

Мы прощаемся, и я еще несколько секунд смотрю на город, пытаюсь сдержать слезы. Маме я была не нужна, отцу тоже не особо. Он выражает внимание своими способами: обеспечивает меня и балует подарками. Но он у меня не сильно эмоциональный, так что за все три года нашего знакомства я побывала в его объятиях всего два раза. И это было крайне неловко, потому что папа этого всего не умеет. В общем, если спросить о чувстве ненужности, я могу многое об этом рассказать.

Может, Агата права, и мне правда стоит найти парня? Кого-то заботливого, ласкового? Того, кто разморозит меня и будет посвящать мне свое время. Дарить тепло, которого я лишена всю свою жизнь. Бросаю взгляд на подругу, которая копается в своем телефоне, и всерьез задумываюсь о том, чтобы начать с кем-нибудь встречаться.

Снова разблокирую телефон и пишу сообщение Арсену, приглашая его на свое выступление, но на этот раз указывая время и место. Ну и что, что он бабник? Может, именно та-

кой мне и нужен? Такой, который сможет раскрепостить меня.

Глава 4

Демон

Глаза у нее светлые. Кажется. С такого расстояния не рассмотреть. Очень хочется узнать их цвет.

Зачетная девочка.

Тонкая-звонкая. Хрупкая, как хрустальная ваза. А походка... Спину держит, словно это натянутая струна. Над землей парит, как будто гравитация ей неведома. Охренительная куколка. Статуэтка в мою коллекцию.

Когда наши взгляды сталкиваются, что-то такое звенит в воздухе. Горячее, трепещущее. Хочу ее себе. До зубовного скрежета хочу. Подмять под себя и сделать столько всяких вещей, о которых такие хорошие девочки вслух не говорят.

На ней джинсы в обтяжку и короткий бежевый бомбер. Когда она идет по парковке, мой взгляд прожигает ее аккуратную округлую попку. Девочка похожа на гимнастку или танцовщицу. С такой грацией двигаются только они.

Меня бесит, что Арсен идет за ней по пятам и наваливает что-то так, что она краснеет и прячет от него взгляд. Подкатывает? Легкие волны ярости разносятся по крови, поджигая ее. Мне насрать, что он приметил ее первым и даже по ходу знаком с девочкой.

Когда он отходит, между нами со статуэточкой происходит тот самый зрительный контакт. Наши взгляды примагни-

чиваются, и во рту скапливается слюна, когда я скольжу им ниже по ее телу. Кажется, девочка таки хорошая, а я очень люблю таких портить. Сначала они робкие и застенчивые, но как раскатаешь, такая пушка получается. Словно, преодолев ее барьеры, открываешь шлюзы, и девочку уже не остановить. Вкусная перспектива. Облизываю губы, продолжая пялиться на ее лицо.

В какой-то момент девочка, словно очнувшись, отводит взгляд и, прыгнув в машину, выезжает с парковки. Машинка у нее тоже ничего. Похоже, папа у нее непростой человек, а, значит, на денежный крючок такую рыбку не поймать. Что ж, буду искать другие способы заманить ее на мой “крючок”.

– Демон! – раздается рядом со мной голос одного из моих лучших друзей, Германа. Поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него. Он ехидно ухмыляется, изучающе блуждая взглядом по моему лицу. – Залип?

– Иди на хрен.

– Да ладно, брат, девчонка-то зачетная. Свежая кровь, – плотоядно тянет он.

– Кто такая?

– Хуй его знает.

– Так узнай.

– Узнаю, – кивает он. – Поехали?

– Я домой, – встаю с капота и отряхиваю джинсы, как будто испачкался о машину, хоть на самом деле, уверен, на ней ни пылинки.

– Да брось, Демон, – Артур тоже подходит ближе и тянет на якорь “девушку недели”. – Мы же в боулинг собирались.

– Отец позвонил, надо к ним ехать.

– Ладно, – неохотно отвечает Гера и тянет руку.

Прощаюсь с друзьями, напомнив Герману, что он обещал пробить имя девочки, и уезжаю.

У родителей дома уже собралась вся семья.

– Дима, – обнимает меня мама. – Мы заждались. Папа же просил не опаздывать.

– А где он сам?

– Ну ты же знаешь, – она ласково улыбается и качает головой. – Работает, как всегда. Светлана, позовите, пожалуйста, Алексея Валерьевича, – просит мама экономку и та, кивнув, удаляется по коридору.

Я не очень люблю дом родителей. Здесь все слишком пафосно и витиевато. Вензеля, картины в тяжелых рамах, высокие потолки, широкая каменная лестница. Не дом, скорее особняк музейного типа. И все же здесь прошло мое детство, так что даже обстановка не портит атмосферу.

Войдя в гостиную, вижу своих братьев и сестру. Матвей с Дэнчиком, как всегда, подъебывают друг друга и сами ржут. Они близнецы, и у них особая ментальная связь. И шутки собственные, смешные только для них двоих. Матвей немного серьезнее Дэнчика, во внешней среде он даже кажется неприступным и жестким, но дома немного расслабляется и позволяет себе побыть сыном, а не мужчиной.

А по другую сторону стола сидит моя любимая принцесса. Младшая сестра Серафима. Симочка. Наша гордость. Она такая девочка-девочка, что рядом с ней невольно становишься сильнее и автоматически включаешь режим защитника. У Серафимы есть характер, и она довольно дерзкая, но моя сестра даже в свои шестнадцать достаточно мудра, чтобы позволять окружающим мужчинам заботиться о ней. Или так ей просто проще.

Поздоровавшись с братьями, обхожу стол и целую в макушку Симу. Она позволяет, продолжая царственно восседать на своем стуле. Падаю рядом.

– Все еще дуешься, малявка? – дергаю ее за мизинец, и она резко убирает руку, стрельнув в меня прожигающим взглядом.

– А ты как думаешь?

Наклоняюсь к ней и произношу так, чтобы больше никто не слышал. Это наши с ней дела.

– Я тебе уже сказал, что он не для тебя.

– А кто для меня? И вообще, – шипит моя змеючка, – если он такой плохой, то почему ты с ним дружишь?

– Сима, Герыч классный друг, но говняный парень.

– Лично проверял?

– Бля, малая, не выводи, – чувствую, как закипаю.

Сколько раз у нас был этот разговор? Десяток точно. Она все настаивает, что Гера чуть ли не создан для нее. А он создан, чтобы тыкать своим членом практически во все, что

движется. Не удивлюсь, если к тридцатнику Герыч сдохнет от ЗППП. Хрена с два я подпущу его к моей младшей сестре. К тому же, мой друг помешан на Лиличке, так что Серафиме, кроме разбитого сердца, с ним ничего не светит. Пускай в своей школе ищет себе приличного мальчика, и с ним делает первые шаги в отношениях. Блядь, как подумаю, что ее кто-то будет касаться, хочется превентивно отрезать члены всем парням в ее учебном заведении.

Сима фыркает и демонстративно отворачивается, делая глоток воды.

Мама с папой занимают свои места за столом, и традиционный семейный ужин наконец начинается. Для него, правда, у нас не отведен конкретный день из-за занятости папы и моих старших братьев. В следующем году и я к ним полноценно присоединюсь в семейном бизнесе, а пока надо закончить универ.

Когда я уже отъезжаю от особняка родителей, мой телефон начинает звонить. На большом экране консоли высвечивается фотка Герыча. Принимаю звонок.

– Я узнал то, что ты просил, – раздается в салоне голос моего друга.

– И кто она?

– Не скажу.

– Не понял?

– Я хочу видеть твою рожу, когда произнесу это. Полный пиздец, братишка. Жду тебя в кафе у фонтана, я буду внут-

ри, — говорит он и отключается.

Всю дорогу до центра города я перемалываю его слова и воспоминания о девочке. Хочу ее. Аж зубы сводит и в паху горячо. Но что такого мне хочет поведать Герыч, что даже по телефону не смог сказать? Блядь, это интригует, и девочку хочется еще сильнее. Она дочь президента? Не знаю, может, прокурора? Или судьи? Что еще может быть в этой информации такого, что мой друг напустил такого туману?

Я впервые за этот день задумываюсь, нужны ли мне вообще такие приключения. Независимо от того, чья она дочь, девочка не выглядит той, с которой можно просто поиграть. Будет слишком много драмы, и я понимаю это уже сейчас. Но какой же, сука, сладкой кажется мысль о том, чтобы подмять ее под себя!

Глава 5

Демон

Геру я нахожу быстро. Он, конечно, сидит в самом центре зала, вальяжно раскинувшись на стуле и листая ленту в соц-сетях, попивает кофе.

Заметив меня, Герман прячет телефон в карман и, встав, стучит своим кулаком о мой. В его взгляде предвкушение и легкое злорадство. Сука, я ему сейчас втащу, если он не перестанет пялиться на меня так. Приземляюсь на стул напротив.

– Герыч, я начинаю нервничать, – предупреждаю друга, чтобы он понимал всю тяжесть моего состояния в эту минуту.

– Не буду тянуть. Девчонку зовут Ангелина Холодкова. И она... готов?

– Гера, блядь, – рывкаю я.

– Дочка Полкана.

– Еще раз? – охуевая, прошу повторить, потому что мне банально хочется верить, что он пошутил или ошибся.

– Доч-ка Пол-ка-на, – повторяет он медленно по слогам, чтобы до меня долетел смысл.

– Еба-а-ать, – тяну я, проводя по растрепанным волосам.

Дочка Полкана – это хреновая новость. Потому что Полкан – Руслан Тихонович Полковников – главный конкурент

моего отца. Они делят город столько, сколько я себя помню, и начали задолго до моего рождения. Два криминальных авторитета, которые не раз воевали друг с другом. И Полкан – главный кандидат на кровную месть от нашей семьи. Папа просто затихарился на время, подыскивая способы отомстить Полкану за то, что произошло с моим старшим братом Ильей.

В голове всплывает изящная фигурка, большие глаза, копна волнистых светлых волос, завязанных на затылке в небрежный хвост. Изящные движения, легкая походка и скромная улыбка...

Но... дочь Полкана. И это, мягко говоря, новость сногсшибательная. Только вот...

– погоди, ты сказал у нее другая фамилия.

– Ага, Холодкова, – говорит Гера, сделав глоток кофе.

– Как так?

– Хер его знает. Она, по ходу, даже не живет с папашей. Может, незаконнорожденная? Бастард, – ржет мой друг.

– У него же только сыновья.

– Я не знаю, откуда она взялась, Демон, но инфы сотка.

В голове за секунду созревает план. Как-то у нас с отцом был диалог о том, как я буду вливаться в семейный бизнес, и он сказал мне: “Тебе надо подумать, какую пользу ты принесешь нашему бизнесу. Ты не можешь только потреблять, нужно и вкладывать. Даю тебе время до окончания учебы, чтобы придумать, какой вклад ты внесешь в общее дело”.

Эти слова всплыли внезапно, когда я понял, что у меня в руках может оказаться практически оружие массового поражения семьи Полковниковых. Стоит только поднапрячься, и я могу завладеть им.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спрашивает Герыч, сверля меня прищуренным взглядом.

– Ага.

– Отцу расскажешь?

– Пока нет. Надо сначала посмотреть, что к чему, прикинуть шансы, а потом уже делиться ценной инфой. Ты тоже рта не раскрывай. Даже Артурчик не должен знать.

– Я могила.

– Поеду, – встаю, поправляя толстовку.

– Давай, может, завалимся куда-то?

– Я сейчас готов завалиться только на кровать.

Наши ладони сталкиваются, и мы с другом приобнимаемся, прощаясь, а потом я покидаю кафе и, сев в машину, медленно еду по городу.

Как распорядиться этой информацией? Если я сейчас сдам папе все, что успел узнать об Ангелине, он, конечно, ухватится за этот шанс. Но, боюсь, мне не дадут возможности насладиться девочкой. Скорее всего, папа прикажет ее сломать так быстро, что я даже толком поцеловать ее не успею. А я уверен, что с Ангелиной поцелуи будут слаще меда.

Ангелина. Ангел. Она похожа на неземное существо.

Правда похожа. Не знаю, что там с характером, но, судя по робким улыбкам, которые она дарила Арсену, там скромняжка и стесняшка. От этого перспектива соблазнить ее выглядит еще привлекательнее.

А что, если не сдавать ее отцу, а сначала поиграть с ней? А когда она начнет надоедать мне, отдам ее в отцовские руки, и пусть делает с ней все, что посчитает нужным. Немного жаль пускать в расход такую красоту. Но наш “бизнес” жесток, и все мы не святые. Наверняка Ангелина тоже понимает степень риска, раз скрывает свою настоящую фамилию. Или фамилию отца.

Дома я первым делом принимаю душ, а потом заваливаюсь на кровать и открываю соцсети. Ищу Ангелину Холодову и вижу, что она занимается танцами. Балет, но какой-то странный. Запускаю ролик и залипаю. Она в легкой тюлевой юбке кружится, прыгает, выгибается, взмахивает руками и ногами. Красиво, пиздец просто. Даже мурашки по коже бегут, когда я смотрю на нее.

Когда крупные планы выхватывают ее лицо, я даже пару раз останавливаю ролик и прокручиваю назад, чтобы снова посмотреть на нее. Кристальные серо-голубые глаза смотрят прямо в камеру, и от этого невинного, чистого взгляда пробегает дрожь. Сжимаю член через трусы, со стоном зажимываясь.

Когда пожар в паху немного стихает, возвращаюсь к ролику. Снова смотрю в ее глаза. Нежная девочка. Во взгляде

настороженность. Не доверяет миру. Если я сделаю с ней то, что задумал, она навсегда перестанет ему верить. Мне ли не похуй, во что там верит дочка Полкана? Моя мама, которая уже второй год плачет по вине отца Ангелины, тоже хотела доверять миру. Но папиному конкуренту было похуй так же, как и мне сейчас.

Запускаю ролик дальше, когда чувствую злость, затапливающую вены.

Через время снова останавливаю ролик на моменте с крупным планом. Здесь ее лицо полностью. Красивая до одурения. Тонкие, изящные черты лица, огромные глаза, небольшой рот с пухлыми губками. Обвожу пальцем овал на застывшей картинке.

На мгновение мелькает мысль, что девочка не виновата, что ее отец подонок, но я гоню ее от себя. Все, кто связаны с Полканом, виноваты.

И все же, может, найти другой способ отомстить, а Ангела оставить себе? Не в качестве игрушки. Или... в качестве ее, но на более долгий срок, чем обычно служили мне старые игрушки. Или все же поиграться, а потом отдать отцу?

Так и не приняв окончательного решения, думаю, что самым правильным будет подкатить к ней, а дальше как пойдет.

Скачиваю один из роликов себе на телефон, скриню крупный план с ее лицом и блокирую телефон. Утыкаюсь лицом в подушку и стону от напряжения в паху. Но я не буду даже

передергивать. Хочу нагулять аппетит до того, как сорву вишенку невинного Ангела. А то, что она еще невинная, я не сомневаюсь ни секунды. Надо только завтра отловить в универе Арсена и запретить ему приближаться к Ангелу. Достаточно будет сказать ему одному, чтобы весь универ знал, что теперь она – запретная территория. Объявление девочки моей ставит на ней клеймо, пока я не сообщу об обратном.

Глава 6

Ангел

Встряхиваю кистями и в который раз выглядываю из-за кулис. Обвожу взглядом зал, полный людей, а потом смотрю на край сцены. Несмотря на обещание Алины Вениаминовны, до генеральной репетиции мы здесь репетировали всего два раза, и теперь я чувствую себя неуверенно. Сцена слишком узкая по сравнению с теми, на которых я привыкла выступать. А мне предстоит в два прыжка преодолеть ее и влететь на руки к Макс, который будет стоять на краю. Благодаря постоянным отработкам поддержек он уже научился ловить меня и не позволяет мне скользнуть вперед, “ныряя” ему за спину.

И все же я боюсь. На прошлой репетиции я едва не проскочила точку, с которой должна была подпрыгнуть, чтобы Макс подхватил меня. Утешает только то, что генеральная репетиция этим утром прошла удачно, и мы отработали идеально.

– Ну что ты опять трясешься? – тихо произносит Макс, становясь у меня за спиной. Его теплые ладони ложатся мне на плечи и поглаживают их, немного успокаивая. – Все будет нормально. Утром все получилось отлично, и на выступлении мы справимся. Главное, помни про зрительный контакт, чтобы мы были в связке постоянно, с первого прыжка.

Я молча киваю и похлопываю его по ладони, давая понять, что услышала и готова.

Выступление начинается с того, что все девушки выскакивают на сцену и кружатся по ней, создавая эффект полета фей. Свет, музыка, наши наряды из тончайшей летящей ткани создают эффект парения над сценой. Дальше на сцене сменяются танцоры, комбинации движений, пара перетекает в пару, количество участников концерта на сцене то уменьшается, то увеличивается. Мы едва успеваем переодеваться между выступлениями, но вся эта суeta и звенящее за кулисами напряжением и создают тот коктейль эмоций, ради которого мы все здесь находимся. Зал принимает нас очень бурно. Зрители постоянно хлопают между номерами, и мы радуемся, как дети, что у нас все получается.

Наш с Максом номер во второй трети концерта, и по мере его приближения сначала тело прошивает дрожь волнения, а потом она сменяется привычным ощущением легкого онемения. Я чувствую, что мышцы готовы работать, тело расслабляется, готовое парить, а в голове наступает тишина, в которой я слышу только музыку.

Когда начинается наше выступление, Макс выскакивает на сцену, делает несколько па, а потом я становлюсь у края кулис, сосредотачиваюсь и наконец вступаю. Вот тут-то все и летит к чертям. Делая слишком интенсивный второй прыжок, я оказываюсь у края сцены раньше, чем было нужно. Я вижу, что левая нога уже летит за пределы сцены, и мне

приходится насильно тормознуть свое тело, поставить ногу на край, отчего она подгибается, и ее простреливает болью. Я оседаю на пол, как поломанная кукла.

Из-за кулис слышу крик Алины с требованием закрыть занавес. Зная, что номер должен быть отыгран до конца, шевелю ногой, чтобы встать, но адская боль не позволяет этого. Тогда мы с Максом, словно сговорившись, отыгрываем остаток номера так, словно мое падение было задумано. Я изображаю из себя подбитого лебедя, а он якобы пытается меня спасти. Наконец спасительные портьеры смыкаются за моей спиной, и я получаю возможность скривиться от боли.

– Быстро ее за сцену, – командует хореограф. – Подготовка к следующему номеру. Готовность две секунды. Макс, уноси Гелю, в следующем номере соло. Давайте быстро!

Макс подхватывает меня на руки и уносит за кулисы. Посадив на скамью, сам возвращается на сцену, потому что, как говорит Алина, цитируя великого Фредди, “Show must go on” [1]. Дальше я должна все сделать сама. Большая часть танцоров задействована в номере, который сейчас идет на сцене, среди них и моя Агата, так что помочь мне некому.

Поднимаюсь и прыгаю в сторону гримерки. Тут внезапно справа меня подхватывает под руку наша гример Татьяна. Закидывает мою руку себе на плечо и помогает доскакать до маленькой комнатушки.

– Никто в зале ничего не понял. Вы с Максом так отыграли, как будто ты такая нежная фея, тебя подстрелили, и

потом ты упала, как подкошенная. А он в роли благородного рыцаря пытался тебя спасти. Так что вы молодцы.

– Алина меня прибьет.

– Битого не накажут, не выдумывай, – фыркает она, усаживая меня на стул в гримерной. – Дальше сама, мне надо бежать, скоро смена номера.

– Спасибо.

Как только за Таней закрывается дверь, откидываюсь на спинку стула и смотрю на начавшую уже опухать ногу. В глазах скапливаются слезы, но я сжимаю челюсти и шумно втягиваю носом воздух, чтобы остановить подкатывающую истерику. Бросаю взгляд на свою сумку и понимаю, что переобуться мне сейчас не светит, как и переодеться. Так что я лишь меняю один из пуантов на балетку, а вторую вместе с пуантом засовываю в сумку, даже не потрудившись как-то отделить одежду от обуви.

Надо позвонить водителю, чтобы отвез меня в больницу, но по какой-то дурацкой причине мне чертовски стыдно за свое падение. Знаю, это глупость. Но привычка быть идеальной для папы вырабатывалась у меня три года. Мне так сильно хотелось показать ему, насколько я хорошая, что я заслуживаю его любви и внимания, что сейчас трудно демонстрировать ему свое несовершенство.

Вызываю такси и, повесив сумку на плечо, я встаю со стула, и, подогнув ногу в оставшемся пуанте, скачу на выход, чуть не забыв курточку. Каждое движение отдает в больную

ногу, и через несколько прыжков мне приходится остановиться и, издав негромкий стон, перевести дух.

В больнице, к счастью, меня принимают быстро. Врач осматривает ногу, больно нажимая на припухшие участки, потом делают рентген. В итоге мне дают ибупрофен, который я быстро выпиваю в надежде хоть немного ослабить боль, выдают список лекарств и рекомендаций и затягивают ногу эластичным бинтом. Растяжение связок. Звучит как приговор, потому что таким и является для танцовщицы, которая регулярно выступает. Особенно сильно меня напугали сроки восстановления, озвученные врачом: до полугода. Но он обнадежил, сказав, что у молодых людей все происходит быстрее. Так что остается надеяться только на свой организм.

Допрыгав до аптеки, покупаю противовоспалительные таблетки и мази, еще один рулон эластичного бинта, и скачу на выход. Когда папа вернется, надо попросить его купить мне костыли. Похоже, ближайшие пару месяцев мне без них никак.

Возле аптеки снова вызываю такси и прыгаю на выход. Решив, что могу подождать машину на скамейке, выскакиваю за дверь, где внезапно наталкиваюсь на того самого парня, который глазел на меня на парковке университета. Я застываю, сталкиваясь с непроницаемым взглядом темных глаз, и хлопаю ресницами, как будто не верю, что он стоит прямо передо мной.

Не сразу понимаю, что в его руках роскошный букет красных роз. Для кого-то это банальность, но это первые в моей жизни цветы, не считая папиных букетов на дни рождения и 8 марта. Правда, я еще не знаю, для меня ли они, но помечтать же можно.

---

[1] “Show must go on” – песня группы Queen, в переводе “Шоу должно продолжаться”

Глава 7

Ангел

– Поехали, отвезу тебя домой, – произносит наконец парень, и я растворяюсь в его голосе. Он говорит с ленцой, я слышу бархатные нотки низкого голоса и понимаю, что именно таким себе его и представляла. Мне бы вообще не надо было представлять себе, как разговаривает и смотрит этот парень, но кто удержит мою фантазию?

Он немного отодвигается, а когда видит, что я скачу на одной ноге, вручает мне букет и резко подхватывает на руки.

– Эй! Поставь меня на землю! – требую я и на всякий случай осматриваюсь, пытаюсь выяснить, поможет ли мне кто-то в случае, если этот парень переступит границы. – Куда ты меня несешь?

– Я же сказал, что отвезу тебя домой, – спокойно отвечает он.

– Я не сажусь в машину к незнакомцам.

– Меня зовут Дима, мы учимся в одном универе. Я видел тебя на парковке. Думаю, ты тоже меня заметила, – он криво усмехается.

Какой самоуверенный! Хотя это неудивительно. С такой харизмой и флером плохого парня, который так любят девушки.

– А что ты тут делаешь?

– Видел, как ты упала на выступлении.

– Это была часть номера, – возражаю негромко, покраснев так, что горят кончики ушей.

– Ну да, – хмыкает он.

– Так а здесь ты меня как нашел? Или это случайность? А, ты, наверное, проведать кого-то приехал в больницу? Вон и цветы привез.

– Цветы тебе, и приехал я за тобой. Это ближайшая больница к концертному залу. Логично, что ты поехала именно сюда.

– А в концертном зале ты что делал?

– Пришел на твое выступление посмотреть.

– Что? Зачем?

– Захотелось, – спокойно отвечает он и продолжает нести меня так, словно я ничего не вешу. Меня настораживает его поведение, так что я на всякий случай разблокирую телефон, чтобы в случае необходимости можно было быстро позвонить папиному водителю.

От близости Димы и запаха его туалетной воды, сильно отличающейся от той, какой пользуются парни на моем потоке, у меня кружится голова, и я даже забываю, что всего секунду назад боялась его. У тех что-то такое дерзкое, спортивное, а у этого парфюм глубокий, мощный и даже... пугающий. Не знаю, как объяснить, да и в мужских ароматах я совсем не разбираюсь. Я и себе-то выбрала с трудом, что уже говорить о парфюмах, которые я никогда не покупала. Этот

запах чем-то похож на папин, но более свежий и резковатый. Как будто в него добавили острого перца.

— А как ты узнал про концерт?

— Ты слишком подозрительная, — отвечает он и ставит меня на землю рядом со своей пугающего вида машиной. Открывает дверцу, забрасывает на заднее сиденье букет и снова поворачивается ко мне.

— А ты не отвечаешь на вопрос. Как тут не быть подозрительной?

Уголок соблазнительных губ Димы приподнимается, и он окидывает меня взглядом, а потом внезапно становится серьезным, когда я покачиваюсь на одной ноге. Берет меня за локти, снова вторгаясь в личное пространство и окутывая своей давящей аурой.

— Мне не сложно собрать минимальную информацию о девушке, которая меня заинтересовала. Слушай, я не заставляю тебя ехать со мной. Могу вызвать такси, если тебе влом с комфортом прокатиться до дома на нормальной тачке. Но я позабочусь о тебе лучше таксиста. Можем сфотать мои номера, отправишь их подружке, чтобы она знала, с кем ты уехала.

Пока я решаюсь, Дима уже выхватывает из моих пальцев телефон и делает снимок своего переднего номерного знака. Потом возвращает мне аппарат, а я, как хорошая девочка, отправляю подружке номер и пишу, что меня везет домой Дима.

– Как твоя фамилия? – обращаюсь к нему.

Поколебавшись пару секунд, отвечает, впиваясь в мое лицо взглядом:

– Громов.

– Ага, ладно.

Дописываю его фамилию и отправляю сообщение Агате. Если этот Дима задумал что-нибудь плохое, то информированность моей подруги должна его отпугнуть.

– Все? Можем ехать? – спрашивает он.

– Да.

Дима шире распахивает дверцу и помогает мне занять место в кожаном салоне, аккуратно перекидывая больную ногу через порожек. Потом наклоняется, чтобы застегнуть ремень безопасности, задерживаясь очень близко у моего лица. Слишком близко. Я даже могу чувствовать его дыхание на своем подбородке. Это так странно и волнующе, что я перестаю дышать и, широко распахнув глаза, плююсь на парня.

Заняв водительское место, Дима заводит машину, и та приятно урчит. Я быстро называю адрес, и мы выезжаем со стоянки, встраиваясь в поток машин. Я стараюсь смотреть в лобовое стекло или в боковое, но взгляд то и дело скользит к незнакомцу, который уверенным жестом обхватывает руль ровно сверху, а вторая его рука лежит на ручке переключения передач. С интересом рассматриваю его руки. Дима не качок, так что и ладони у него не слишком широкие. Но пальцы длинные, словно музыкальные. Наверное, он был

бы хорошим пианистом. Тыльная сторона ладоней испещрена венами, руки жилистые. Но больше всего мое внимание привлекают кольца.

– Ты женат? – не удерживаюсь от вопроса, и слегка дергаюсь от того, как он мечет в меня внимательный взгляд темных глаз. А потом внезапно кривовато улыбается.

– Чего?

– У тебя кольцо на безымянном пальце.

– У меня их три на обеих руках.

Он отпускает руль, чтобы продемонстрировать третье, а я вскрикиваю и с ужасом смотрю на дорогу. Дима смеется и снова берется за руль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.